

Оригинальная статья
УДК 81.27
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-116-127>

Прагмасемантический анализ антивоенных высказываний (на материале дискурса общественного мнения весной 2022 г. в России)

Оксана Викторовна Дрейфельд

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия,
filoxenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>*

Введение. Основной задачей данной статьи является анализ персонального антивоенного протестного дискурса в аспекте выявления характерных речевых тактик и определения их прагматических функций. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в выявлении, описании и классификации типов сообщений, характерных для антивоенных протестных высказываний в рамках «дискурса общественного мнения».

Методология и источники. Проводится контент-анализ и комплексный прагмасемантический анализ 455 высказываний, полученных методом сплошной выборки в Телеграм-канале «ОВД-Инфо» в период с 24.02.2022 по 31.05.2022 г. и из источников, указанных в открытой базе данных «Иллюстративный материал».

Результаты и обсуждение. Антивоенный дискурс – тематическая разновидность политического дискурса, которая формируется в процессе публичного выражения критики или несогласия (демонстрации протеста) по отношению к военным действиям как способу решения геополитического конфликта и/или по отношению к конкретному военному событию, а также к политическим решениям, приводящим к военным действиям; содержит специфический лингвосемиотический код, который включает в качестве обязательной составляющей концепты *война* и *мир*; реализуется в определенном социальном и историческом экстралингвистическом контексте. Все высказывания были разделены на «прямые» и «скрытые», согласно намерению коммуниканта выразить антивоенный протест в определенной форме. Хотя «прямые» высказывания преобладали, в статье показано, что они включали ряд высказываний с «замаскированным» авторством (высказывание в виде цитаты). Также была обнаружена важная роль речевых тактик (таких, как графическая эвфемизация, семиотическая эвфемизация, аббревиация, нейтрализация), существенно преобразующих текст и характерных для «скрытых» сообщений. Они реализуют сложный спектр намерений говорящего, маскируя их и выявляя одновременно.

Заключение. Можно констатировать не только различия так называемых прямых и скрытых сообщений, но и их сходства, заключающиеся в том, что для части аудитории разница нивелировалась условиями социальной коммуникации: любое высказывание оценивалось как «антивоенное», независимо от его формы и содержания.

© Дрейфельд О. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Ключевые слова: политический дискурс, концепт *война*, эвфемизм, умолчание, молчание, лозунг протестный, самоцензура

Для цитирования: Дрейфельд О. В. Прагмасемантический анализ антивоенных высказываний (на материале дискурса общественного мнения весной 2022 г. в России) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 6. С. 116–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-116-127.

Original paper

Pragmatic and Semantic Analysis of Anti-War Protest Utterances (on the Data of Public Opinion Discourse in the Spring of 2022 in Russia)

Oksana V. Dreifeld

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia,
filoxenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>*

Introduction. The main objective of article is analysis the personal anti-war utterances on protest posters to determine their pragmatic functions in the discourse of public opinion. The theoretical and practical significance of article is identification, description and classification types of personal speech tactics of anti-war protest discourse based on material of verbalized statements at solitary pickets in the spring of 2022 in Russia.

Methodology and sources. A content analysis, pragmatic and semantic analysis of 455 utterances are carried out, utterances are obtained by continuous sampling method in the Telegram channel “OVD-Info” in the period from 02.24.2022 to 05.31.2022 and from the opened media sources indicated in the open database “Illustrative Material”.

Results and discussion. Anti-war discourse as thematic variety of political discourse is formed in the process of public expression of criticism or disagreement in relation to military actions as way of resolving a geopolitical conflict and /or in relation to a specific military event, as well as in relation to political decisions leading to military actions. Anti-war discourse contains a specific semiotic code, which includes concepts “peace” and “war” as an obligatory component. And anti-war discourse is realized in a certain social and historical extralinguistic context. We checked up the important role of speech tactics which significantly transform the text of anti-war utterance, such as graphic euphemization, semiotic euphemization, abbreviation, neutralization. They implement a complex spectrum of speaker`s intentions, masking and revealing it the same time.

Conclusion. We have found not only differences in “direct” and “hidden” messages, but their similarities, consisting in the fact that for a part of the audience in the spring of 2022 in Russia the difference was leveled by the conditions of social communication: any statement in the public space was assessed as ‘anti-war’ regardless of its form and content.

Keywords: political discourse, concept war, euphemization, paralipsis, self-censorship, speech tactics, anti-war protest slogan

For citation: Dreifeld, O.V. (2023), “Pragmatic and Semantic Analysis of Anti-War Protest Utterances (on the Data of Public Opinion Discourse in the Spring of 2022 in Russia)”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 6, pp. 116–127. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-6-116-127 (Russia).

Введение. Одной из актуальных проблем изучения «антивоенного дискурса» в настоящий момент является проблема его определения как понятия частной теории дискурса. Следуя классической теории Т. А. ван Дейка, сделаем отправной точкой определения характе-

ристику антивоенного дискурса как коммуникативного события, которое реализуется в прагматическом контексте [1, с. 121–122]. Это позволяет нам определить антивоенный дискурс как тематическую разновидность политического дискурса, которая: 1) формируется в процессе публичного выражения критики или несогласия (демонстрации протеста) по отношению к военным действиям как способу решения геополитического конфликта и/или по отношению к конкретному военному событию, а также к политическим решениям, приводящим к военным действиям; 2) содержит специфический лингвосемиотический код, который включает в качестве обязательной составляющей концепты *война* и *мир*; 3) реализуется в определенном социальном и историческом экстралингвистическом контексте.

Сложность определения персонального антивоенного дискурса состоит в том, что он формируется как область контакта разных дискурсов в зависимости от формы и способа его реализации, от типа социальной активности в момент реализации (политическая коммуникация, медиакоммуникация, виртуальная, бытовая, юридическая и др.). Оценка субъектности адресанта антивоенного высказывания, принятая в современной политической лингвистике, позволяет отнести персональные антивоенные высказывания к «дискурсу общественного мнения» [2, с. 135–136].

Учитывая сказанное, сформулируем следующее рабочее определение: антивоенный персональный протестный дискурс – это обусловленная экстралингвистическими факторами и персональными особенностями коммуникантов форма использования языка в процессе публичного выражения критики или несогласия по отношению к концепту военных действий как способу решения геополитических конфликтов, к конкретным боевым действиям, локальным или глобальным военным конфликтам, а также по отношению к политическим решениям, приводящим к военным действиям. В отличие от институционального антивоенного дискурса, высказывания, формирующие антивоенный персональный протестный дискурс, обусловлены личной позицией адресанта или ситуативно объединенных в процессе высказывания (подписания антивоенной петиции, публикации антивоенного обращения и т. п.) коммуникантов.

Основной задачей данной статьи станет анализ неинституционального антивоенного протестного дискурса, возникшего в России весной 2022 г. и реализованного в вербализованных высказываниях на так называемых одиночных пикетах, в аспекте выявления характерных речевых тактик и определения их прагматических функций.

Одиночный пикет – одна из форм гражданского акционизма, которая предполагает персональную демонстрацию оформленного речевого высказывания в публичном пространстве.

Для антивоенного протестного высказывания, производимого на одиночном пикете, характерен широкий экстралингвистический контекст: у адресанта одиночного пикета всегда есть физический носитель высказывания (например, плакат с текстом, который может включать не только вербальные, но и невербальные знаковые элементы; также высказывание может быть текстом, включающим в себя разные виды знаков); такое высказывание производится в публичном пространстве (где зачастую имеет значение и само пространство как знак); есть ситуация (взаимодействие людей – участников общения и предметов); предыдущий и последующий со-тексты (как правило, устные) участвуют как элементы того же дискурса в речевой ситуации, а также есть интертекст (например, события, связанные с дан-

ным высказыванием, и их речевое оформление непосредственно влияют на восприятие антивоенного протестного высказывания, производимого на одиночном пикете). Все это предполагает необходимость дополнительного обзора экстралингвистических аспектов, влияющих на смысл и функции таких высказываний, а также основных характерных параметров (типичных моделей речевого высказывания, жанров, тезауруса прецедентных высказываний, концептов) антивоенного протестного дискурса.

Обзор экстралингвистического контекста показывает, что антивоенная коммуникация стала актуальной в России весной 2022 г. Тогда же на законодательном уровне была принята статья 20.3.3. КОАП, регулирующая высказывания, производимые в публичном пространстве и относящиеся к действиям вооруженных сил РФ. К базовым концептам антивоенного протестного дискурса относятся *война* и *мир*. Поскольку наибольшую частотность в речевых актах антивоенного протестного дискурса имеет речевой акт *Нет войне!*, возникла ситуация, которая являлась коммуникативным вызовом для всех участников антивоенной коммуникации.

Персуазивное высказывание *Нет войне!* для адресанта подразумевает не просто отрицание «войны», но самим произнесением или написанием реализует интенцию виртуальной остановки, прекращения, аннигиляции этого события. *Нет войне!* относится к политическим перформативам – речевым актам, само осуществление которых является политическим действием с широким интерпретационным спектром, который включает в себя: 1) перформатив выражения недоверия по отношению к военному способу решения конфликта; 2) неподдержания военных действий и поддержания стороны, страдающей от военных действий; 3) перформатив требования остановить военные действия; 4) эмотивный перформатив неприятия, возмущения военными действиями.

Ядро семантического поля концепта *война* в протестном антивоенном дискурсе составляет оппозиция «война – мир», а также синонимия с лексемами, включающими семы «агрессия» («(...) Украина прости за агрессию» (здесь и далее орфография и пунктуация авторов – О. Д.)), «социальное явление» («Это ~~война~~ на ваши налоги, а на лечение детей собираем смсками»), «преступление» («Война с Украиной – позор и преступление»), «плохая привычка» («Не привыкайте к войне»), «смерть»/«похороны» («Россияне, хотите похоронить сына за 7 миллионов?»), «болезнь» («Остановите это безумие!»)¹.

Можно видеть, что отдельную группу в антивоенном протестном дискурсе весной 2022 г. составляли высказывания, чья коммуникативная цель была обозначить тождественность события сигнификату (концепту *война*) и знаку (слову *война*): «2+2=4/Спецоперация=ВОЙНА»); «Война это НЕ мир»/«Свобода это НЕ рабство»/«Незнание это НЕ сила»).

Одной из основных проблем адресантов при оформлении их публичных антивоенных высказываний весной 2022 г. стал запрет на использование слова *война* и следующие за таким использованием правовые последствия. Это привело к формированию альтернативных способов представленности концепта *война* в вербальных (слова, словосочетания, устойчивые фразы, прецедентные высказывания, афоризмы), невербальных (символичес-

¹Здесь и далее цитируется по: Дрейфельд О. В. Иллюстративный материал. URL: <https://drive.google.com/file/d/11aOSo6CU-QKy6YAхОНТDwm9Ic6o7Bsp2/view?usp=sharing> (дата обращения: 05.05.2023) [3].

кие предметы, символические действия, символические пространства) и смешанных высказываниях.

Альтернативные способы представленности концепта *война* встречаются в словесно оформленных высказываниях через использование: 1) контекстуального синонима: «Украина прости за агрессию»; 2) антонима: «Я за мир»; 3) эвфемизма: «Россияне, хотите похоронить сына за 7 миллионов?» и др.

Намерение адресанта выразить прагматическое значение (выступить в публичном пространстве «против войны» или «за мир»), не используя авторский вербальный текст, включающий лексемы *война* или *мир*, оформляется также с помощью предметов, представляющих самостоятельный текст, функционирующий вне политического антивоенного протестного дискурса, и содержащих в себе лексемы *война* и *мир* или их полные либо частичные омографы. Такими высказываниями стали акции, в которых использовались в качестве текста высказывания: 1) обложка книги Л. Толстого «Война и мир» (адресанты держали книги в руках вместо письменного плаката); 2) упаковка колбасы, произведенной компанией «Мираторг»; 3) банковская карта «МИР»; 4) изображение гроба, венка, траурной ленты, медальона в стилистике портрета на кладбищенском памятнике (опосредованно отсылающих к концепту *война* через концепт *смерть*). Согласование между планом выражения и планом содержания в таких высказываниях осуществлялось благодаря контексту высказывания, производимого в публичном пространстве, а также благодаря интертексту (предшествующим событиям в политической и социальной сфере), реакцией на которые стали эти высказывания.

Использование концептов *война* и *мир* и заменяющих их знаков в высказываниях участников уличного протеста концентрируется вокруг политического события (военных действий) как денотата и образует определенный «сверхтекст», характеризующийся общностью содержания и модальностей и множеством форм «непрямого говорения», которые подлежат анализу.

Методология и источники. Материалы включают в себя антивоенные вербальные высказывания в письменной форме, зафиксированные информационными онлайн-ресурсами и интернет-СМИ на так называемых одиночных пикетах в период с 24.02.2022 по 31.05.2022 г. (455 высказываний). Мы использовали контент-анализ, а также сравнительно-сопоставительный анализ высказываний, что позволило увидеть их принадлежность к следующим группам: 1) «прямые» вербальные высказывания, включающие слово *война*; 2) вербальные высказывания без слова *война*; 3) вербальные высказывания, использующие код или замещающие знаки; 4) плакаты без высказываний или имеющие пропуски элементов высказывания («нулевой знак» [4]); 5) вербальные высказывания, содержащие цитаты, которые включают или не включают слово *война*; 6) демонстрация предмета, содержащего надпись *война* или *мир*, а также их полные или частичные омографы. Наибольшее количество составили «прямые» вербальные антивоенные высказывания, размещенные на плакате или личных вещах (370), использование цитат в качестве высказываний и высказываний без слова *война* – вторая по величине группа (68). Наименьшую группу составили высказывания, реализующие «непрямые» формы антивоенного протеста: использующие замещающие знаки для антивоенного вербального высказывания или минус-прием – умолчание на месте знака;

создающие высказывание из знаковых элементов других семиотических систем, отсылающих к концептам *война* и *мир*; включающие антивоенное высказывание в креолизованный текст или перформанс (17) (см. табл. 1).

Таблица 1. Количество и содержание антивоенных высказываний, произведенных на одиночных пикетах в период с 24.02.2022 по 31.05.2022 г. в РФ
Table 1. Amount and content of anti-war protest public utterances was fixed in Russia over the period from 02.24.2022 to the 05.31.2022

Тип высказывания	Пример	Количество высказываний	% от общего числа высказываний
«Прямое» вербальное антивоенное высказывание на плакате	«Нет войне!», «Х..й войне», «Ничто не оправдывает войны», «Нормальные люди против войны»	318	69,9
Антивоенное вербальное высказывание без слова «война» на плакате	«Украина прости за агрессию»	62	13,6
«Прямое» вербальное высказывание, размещенное на одежде, сумке, самокате, теле, лице и т. п.	«Нет войне»	52	11,4
Вербальное антивоенное высказывание на плакате, использующее код или включающее невербальные знаки	«*** *****» «ДВА СЛОВА»	6	1,3
«Нулевой знак» (присутствие с пустым листом бумаги в публичном месте или значимое отсутствие знака в высказывании)	«_____ . Труд. Май»	3	0,7
Вербальное высказывание, состоящее из цитаты	«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5:7)	6	1,3
«Готовое высказывание» (надпись на объекте), включающее полные или частичные омографы слов «война» и «мир»	Демонстрация банковской карты «МИР»	4	0,9
Вербальное высказывание как составная часть перформанса	«Молчать!!! Нельзя!!!/НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ»	4	0,9

Отправной точкой для дальнейшей классификации стала социологическая теория Джеймса Скотта, который при описании обыденной коммуникации господствующих и подчиненных страт общества разделяет типы их коммуникации на «публичные сообщения» (public transcripts) и «скрытые сообщения» (hidden transcripts) [5]. Значимость классификации Скотта состоит в том, что разнообразные речевые тактики антивоенных высказываний можно обобщить с точки зрения того, как организована социальная коммуникация, и объяснить причины использования этих тактик.

Уточняя классификацию Скотта с поправкой на экстраординарный повод коммуникации власти и граждан в период с 24.02.2022 до мая 2022 г. в РФ, можно применить обе категории для разделения протестных антивоенных высказываний на группы. «Публичные сообщения» дают прямую оценку явлениям реальности с точки зрения говорящего; стремятся к ясности, однозначности трактовки, однозначному утверждению предлагаемой интерпретации, говорящий чувствует правоту собственной позиции. «Скрытое сообщение» –

это «оружие слабых», по Скотту, поэтому оно использует «маскировку» высказывания. Особенность применения концепта «скрытые сообщения» для рассматриваемого материала состоит, на наш взгляд, в том, что они вынесены в публичное пространство в случае совершения персонального антивоенного протестного высказывания. Такой случай у Скотта описывается как нарушение границ стабильной ситуации баланса между «господствующими» и «подвластными»: «сокрытые» высказывания выходят из пространства «субкультуры» и вторгаются в пространство «культуры». Необычность изучаемого в данной статье материала высказываний протестного антивоенного дискурса состоит в том, что «прямое высказывание» формируется адресантами, относящимися не к сфере «политики» и «власти», а к сфере «гражданского общества». В протестном антивоенном дискурсе весны 2022 г. в РФ фиксируется присутствие как «public transcripts», которые Скотт считает характерными для «власти», так и «hidden transcripts», которые он атрибутирует подчиненному власти обществу.

Поскольку описанные выше экстралингвистические факторы формируют контекст, влияющий на способ выражения коммуникативного замысла, к материалу был применен комплексный прагмасемантический анализ, семиотический анализ, критический дискурс-анализ, метод классификации.

Результаты и обсуждение. Антивоенный протестный дискурс является тематической разновидностью политического дискурса [6], однако антивоенный протестный персональный дискурс относится к той стороне политической коммуникации, которая формирует «дискурс общественного мнения». Антивоенный протестный персональный дискурс выделяет некоторые характеристики политического дискурса как более значимые: обращение к массовому адресату, сочетание коннотативного и информирующего компонентов высказывания, эвфемизацию, злободневность.

В набор речевых жанров, характерных для антивоенной протестной коммуникации, входит «лозунг» («Нет войне!», «Миру мир»), а также «проповедь» афористического типа («б-я заповедь: не убий»), что связано с намерением перевести антивоенное высказывание в регистр обсуждения общечеловеческих моральных ценностей, а не политической критики. Эти жанры соответствуют стратегии «прямого послания» по Джеймсу Скотту: они содержат однозначные утверждения и трактовки, дают однозначную оценку ситуации, которую называют или описывают. В то же время изменение условий коммуникации привело к изменению формы и усложнило прагматику «прямых» антивоенных высказываний: некоторые адресанты антивоенных протестных пикетов использовали цитаты из классиков, из речей авторитетных политиков современности и сакральных текстов («Война принесла столько горя, что забыть это невозможно. Нет прощения тем, кто вновь замышляет преступные планы. В. Путин», «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» и др.). Хотя такие высказывания остаются «прямыми», они должны перемещать адресанта в зону юридической безопасности как воспроизводящие (цитирующие) чужой авторский текст, апеллирующие к «чужому» авторитетному слову. Можно также отметить случаи, когда адресанты антивоенных протестных высказываний использовали семантическую неопределенность, порождающую многозначность интерпретаций, оставаясь в рамках «прямой» стратегии высказывания (перформер Аста Коврова с высказываем «Нет» от 22.03.2022 г.).

«Сокрытые послания» используют другую коммуникативную стратегию: они маскируют намерение говорящего. С точки зрения семиотики эти высказывания можно разделить на *вербальные* («Нет», «ДВА СЛОВА»), *невербальные* (нахождение в публичном пространстве с белой розой и книгой, раздача книг Оруэлла «1984») и *смешанные* («2+2=4/ВОЙНА=СПЕЦ-ОПЕРАЦИЯ», демонстрация книги Л. Толстого «Война и мир» у стелы городу-герою Киеву в Москве, плакаты с текстом и пиктограммами или изображениями).

Анализ показал, что вербальные высказывания в «сокрытых посланиях» подвергаются преобразованию в рамках общего коммуникативного намерения «непрямого говорения»: не выражать некоторые элементы высказывания вербально или заменять их на другие знаки [7]. Предлагаем разделить стратегии преобразования вербальных высказываний на «молчание» и «умолчание». Их необходимость была вызвана, по-видимому, не только экстралингвистическими причинами (запрет на употребление лексемы *война*, самоцензура); необходимость этих форм в некоторых случаях обусловлена также игрой с реципиентом, иронической интенцией адресанта, который устанавливает контакт с близкими по духу реципиентами [8]. Еще одно коммуникативное намерение адресанта в антивоенном протестном высказывании может быть связано с демонстрацией наличия цензуры через молчание или умолчание.

Для них характерны следующие приемы.


Молчание как форма коммуникации – это наиболее радикальная форма непрямого говорения, в случае письменной формы высказывания это использование плаката без лозунга, демонстрация пустого листа бумаги. Высказывание в форме «молчания» парадоксально, поскольку отрицает высказывание и реализует его одновременно. Мета-высказыванием в антивоенном протестном дискурсе, осмысляющим появление такой стратегии высказывания, можно считать перформанс, в котором в качестве элемента смешанного текста высказывания использовался вербальный компонент, включающий эмотивы в виде дополнительных пунктуационных знаков и прописных букв, вместе с хиазмом и повтором в качестве основных приемов: «Молчать!!! Нельзя!!!/МОЛЧАТЬ НЕЛЬЗЯ», перформативный компонент был представлен демонстрацией действия, произведенного перформером – девушкой, которая зашила свой рот хирургическим швом [9].

Другой важной формой непрямого говорения является «умолчание», оно использует недоговаривание, пропуск информации, замены компонентов (кодирование), что нарушает согласование между планом выражения и планом значения, и в то же время активизирует эту связь, поскольку затрудненное восприятие вызывает большую интерпретационную активность реципиента-адресата [10]. Основные приемы реализации умолчания – это эвфемизация («Украина, прости, нам так стыдно») и дисфемизация [11] («Дед, прими таблетки», «РОЖАЙ САМ»).

Эвфемизация и дисфемизация осуществляют широкий круг замен в рассмотренном материале:

1) графическая эвфемизация (полная замена знаков в высказывании типографскими знаками «астериск»: «*** ***/«нет в***е» или замена слова в высказывании на написание с литуративом – зачеркиванием: «эта ~~война~~ на ваши налоги, а на лечение детей собираем смсками»). Графическая эвфемизация отражает двоякое возможное коммуникатив-

ное намерение: демонстрирует неготовность/невозможность использовать прямую номинацию, возможную эмоциональную аффектацию, вытекающую из этого; в то же время возможный пассивный протест против законодательных запретов на использование слова *война* и возможное возмущение этим вместе с активным протестом против информационного повода (события);

2) семиотическая эвфемизация (полная замена знаков высказывания знаками другой семиотической системы или языка: «3+5», «»); последний пример заменяет слова графическим изображением балерин, отсылающим к двум прецедентным текстам: балету «Лебединое озеро», который демонстрировался на телевидении в позднюю советскую эпоху в случае смерти генерального секретаря ЦК КПСС, и лозунгом *Нет войне!* Семиотическая эвфемизация отражает спектр возможных коммуникативных намерений: демонстрирует неготовность/невозможность использовать прямую номинацию, вместе с демонстрацией социальной роли, предписывающей пассивную выжидательную позицию, не предполагающую выражение оценок и мнений, и в то же время неготовность мириться с предписанной социальной ролью молчанием и пассивный протест против информационного повода (события) [12];

3) нейтрализация (замена одних знаков другими этой же знаковой системы, полностью не относящимися к контексту: «ДВА СЛОВА»);

4) аббревиация («ХВ» – это лозунг *Хватит войны*, который помимо аббревиации также использует семиотическую эвфемизацию, так как был написан на плакате с использованием шрифта, характерного для церковных текстов, и кодирует прецедентный текст *Христос воскрес*).

План выражения многих протестных антивоенных высказываний, произведенных после 04.03.2022 г., основан на неопределенности: это неопределенность букв, замещенных астерисками («*** ***)», «нет в***е»), пропуск слов («_____! Труд! Май!») или хиазм («НЕТ»). Но план значения данных высказываний легко восстанавливается благодаря контексту, адресат знает, о каких явлениях действительности произведено высказывание, умолчание оказывается обращено к части аудитории, представляющей власть, у которой в результате использования умолчания не должно быть формальных поводов для преследования говорящего [13]. В то же время другая часть аудитории, представленная гражданами, восстанавливает план значения за счет контекста и интертекста, проявляя свободу интерпретации в рамках представленного формального высказывания. Это позволяет протестующим даже абсурдировать требования власти, совершая реинтерпретацию и уходя от преследования. Об этом свидетельствует один из судебных процессов по антивоенным протестам, на котором адресант произвела реинтерпретацию, официально предложив считать ее лозунг «Нет в***е» лозунгом, направленным против рыбы воблы, традиционного советского снека при употреблении алкогольных напитков [14].

Итак, замены знаков, которые производятся в рамках эвфемизации и дисфемизации, призваны реализовывать коммуникативное намерение говорящего в условиях самоцензуры и языковой игры, приводящих к «маскировке» этого намерения или создающих намеренно усложненную форму восприятия и возможность открытой интерпретации [15]. «Скрытые высказывания», выявленные в плакатах, представленных на одиночных пикетах весной

2022 г., обнаруживают сходство с «антитоталитарным» подцензурным языком, описанным А. Вежбицка на материале польского языка [16], а также с «эзоповым языком», описанным Л. Лосевым на материале русского языка в литературных произведениях советской эпохи [17].

Заключение. Условия коммуникации изменили форму и усложнили структуру многих антивоенных высказываний. Адресанты, которые пытались формально не нарушать запрет на использование слова «война» в публичном высказывании, применяли стратегию «скрытого сообщения» (*hidden transcript*). Выделенные нами «скрытые высказывания» в антивоенном протестном дискурсе характеризуются общими свойствами: замена элементов в форме выражения и/или усложнение формальной структуры, использование многозначности, использование недостаточности формы и порождение таким способом открытой интерпретации, использование креолизованных текстов. Важную роль в «скрытых высказываниях» играют речевые тактики, существенно преобразующие текст, такие как графическая эвфемизация, семиотическая эвфемизация, аббревиация, нейтрализация. Они реализуют сложный спектр намерений говорящего: демонстрируют наличие предписанной социальной роли, предполагающей пассивную выжидательную позицию и не предполагающей выражения оценок и мнений, и в то же время показывают неготовность мириться с данной ролью; выявляют неготовность/невозможность использовать прямую номинацию политического события, выражают возможную эмоциональную аффектацию, вытекающую из этого; они также реализуют пассивный протест против запрета на использование слова *война*, демонстрируют наличие цензуры в пространстве социальной коммуникации; реализуют возможности языковой игры для порождения открытой интерпретации в отношении информационного повода (политического события).

«Прямые сообщения» тоже испытывают влияние условий коммуникации: многие антивоенные протестные высказывания производились в форме цитаты/афоризма, т. е. «чужого слова» (М. Бахтин), которые должны были обеспечить адресанту юридическую безопасность. Однако адресанты, цитирующие чужой авторский текст, получали ту же реакцию со стороны части аудитории, которая состояла из представителей правоохранительных органов, что и адресанты с текстом собственно авторским. Можно констатировать не только различия так называемых прямых и скрытых сообщений, но их сходства, заключающиеся в том, что для части аудитории, которая состояла из представителей правоохранительных органов, разница нивелировалась условиями социальной коммуникации: любое высказывание оценивалось как «антивоенное», независимо от его формы и содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
2. Красильникова Н. А. Общественное мнение как предмет политических когнитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 133–141.
3. Дрейфельд О. В. Иллюстративный материал. URL: <https://drive.google.com/file/d/11aOSo6CU-QKy6YAхOHTDwm9Ic6o7Bsp2/view?usp=sharing> (дата обращения: 05.05.2023).
4. Якобсон Р. О. Нулевой знак // Избранные работы / пер. с англ., нем., фр.; под общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 222–230.

5. Scott J. *Domination the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven, London; Yale Univ. Press, 1990.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.
7. Allan K., Burrige K. *Euphemism and dysphemism: language used as shield and weapon*. NY: Oxford Univ. Press, 1991.
8. Каличкина Т. И. Языковые средства выражения иронии в современном российском политическом дискурсе // Современное педагогическое образование. 2021. № 9. С. 137–141.
9. Gaa Ph. *Russland: Der Mut der Einzelnen* // ZDFheute. 04.11.2022. URL: <https://amp.zdf.de/nachrichten/heute-in-europa/russland-der-mut-der-einzelnen-100.html> (дата обращения: 09.02.2023).
10. Иванян Е. П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 33–35.
11. Allan K., Burrige K. *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
12. Bar-Tal D. *Self-Censorship as a Socio-Political-Psychological Phenomenon: Conception and Research* // *Advances in Political Psychology*. 2017. Vol. 38, Iss. S1. P. 37–65. DOI: 10.1111/pops.12391.
13. Гавриш А. Д., Желтухина А. М. Цензура и самоцензура в современном политическом медиа-дискурсе в США и России: сопоставительный лингвокультурологический аспект // Актуальные проблемы филологии и филологической лингвистики. 2021. № 2. С. 16–27. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-16-27>.
14. Krivets N. In Tyumen a woman justified herself for an anti-war slogan and gave rise to a meme // Memepedia. 14.10.2022. URL: <https://memepedia.ru/net-voble-v-tyumeni/> (дата обращения: 09.02.2023).
15. Архипова А. С., Кирзюк А. А., Югай Е. Ф. Скрыть опасное имя: поэтика политической формулы // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2017. № 12 (33). С. 102–119. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2017-12-102-119>.
16. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.
17. Loseff L. *On the Beneficence of Censorship Aesopian Language in Modern Russian Literature*. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1984.

Информация об авторе.

Дрейфельд Оксана Викторовна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета, ул. Красная, д. 6, Кемерово, 650003, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория дискурса, теория речевых жанров, политическая лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.03.2023; принята после рецензирования 04.05.2023; опубликована онлайн 21.12.2023.*

REFERENCES

1. Dijk, T.A. van. (1989), *Language. Cognition. Communication*, Transl. by Gerasimov, V.I., Progress, Moscow, RUS.
2. Krasilnikova, N.A. (2011), "Public opinion as the subject of cognitive-discursive studies in the sphere of political linguistic", *Political Linguistics*, no. 2 (36), pp. 133–141.
3. Dreifeld, O.V. (2022), *Illustrative material*, available at: <https://drive.google.com/file/d/11aOSo6CU-QKy6YAxOHTDwm9Ic6o7Bsp2/view?usp=sharing> (accessed 05.05.2023).
4. Jacobson, R.O. (1985), "Zero Sign", *Izbrannye raboty* [Selected works], Transl. Zvegintsev, V.A., (ed.), Progress, Moscow, USSR, pp. 222–230.

5. Scott, J. (1990), *Domination the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*, Yale Univ. Press, New Haven, London, USA.
6. Shejgal, E.I. (2000), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotic of political Discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
7. Allan, K. and Burridge, K. (1991), *Euphemism and dysphemism: language used as shield and weapon*, Oxford Univ. Press, NY, USA.
8. Kalichkina, T.I. (2021), "Linguistic means of expressing irony in modern Russian political discourse", *Modern pedagogical education*, no. 9, pp. 137–141.
9. Gaa, Ph. (2022), "Russland: Der Mut der Einzelnen", *ZDFheute*, 04.11.2022, available at: <https://amp.zdf.de/nachrichten/heute-in-europa/russland-der-mut-der-einzelnen-100.html> (accessed 09.02.2023).
10. Ivanian, E.P. (2015), "Representation of semantics of omission in modern Russian discourse", *Baltic Humanitarian J.*, no. 1 (10), pp. 33–35.
11. Allan, K. and Burridge, K. (2006), *Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
12. Bar-Tal, D. (2017), "Self-Censorship as a Socio-Political-Psychological Phenomenon: Conception and Research", *Advances in Political Psychology*, vol. 38, Iss. S1, pp. 37–65. DOI: 10.1111/pops.12391.
13. Gavrish, A.D. and Zheltukhina, A.M. (2021), "Censorship and self-censorship in the modern political media discourse of the USA and Russia: comparative linguocultural aspect", *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 2, pp. 16–27. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-2-16-27>.
14. Krivets, N. (2022), "In Tyumen a woman justified herself for an anti-war slogan and gave rise to a meme", *Memepedia*, 14.10.2022, available at: <https://memepedia.ru/net-voble-v-tyumeni/> (accessed 09.02.2023).
15. Arkhipova, A.S., Kirzyuk, A.A. and Yugay, E.F. (2017), "To mask a dangerous name. The poetics of a political formula", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, no. 12 (33), pp. 102–119. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2017-12-102-119>.
16. Wierzbicka, A. (1993), "Anti-totalitarian language in Poland: Mechanisms of language self-defence", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 107–125.
17. Loseff, L. (1984), *On the Beneficence of Censorship Aesopian Language in Modern Russian Literature*, Verlag Otto Sagner in Kommission, München, DEU.

Information about the author.

Oksana V. Dreifeld – Can. Sci. (Philology, 2015), Associate Professor at the Department of Russian language and Literature, Kemerovo State University, 6 Krasnaya str., Kemerovo 650003, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: theory of discourse, theory of speech genres, political linguistic.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 24.03.2023; adopted after review 04.05.2023; published online 21.12.2023.*